

XV
A-4782, III
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК

Труды научной конференции, посвященной изучению
жизни и творчества А. А. Блока,
май 1962 года.

ТАРТУ
1964

ОБ ОКРУЖЕНИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ю. К. Герасимов

На развитие общественно-политических взглядов и всего творчества Александра Блока мощное влияние оказала революция 1905—1907 гг. За короткое время (неполных три года) Блок от политического безразличия — через либеральные настроения — приходит к стойким демократическим убеждениям. При этом трагический период спада революции, начавшегося черносотенно-правительственного террора и общественной реакции произвел на Блока действие, быть может, даже более революционизирующее, чем период подъема. Именно к концу 1907 — началу 1908 г. его общественная мысль достигает высшего уровня за все время с 1905 по 1917 г.

Несмотря на общую «политическую невоспитанность»,¹ затруднявшую ориентацию в сложнейшей революционной обстановке, Блок необычайно чутко улавливал события, имевшие общественно-историческое значение. Однако осмысление революционно-освободительного движения в целом у Блока происходило под некоторым воздействием народнических настроений.² Народ, в представлении Блока, — это прежде всего крестьянство. Он пристально и с большим сочувствием смотрел на героическую борьбу пролетариата («Поднимались из тьмы погребов...», «Шли на приступ. Прямо в грудь...», «Еще прекрасно серое небо...» и др.). Но лишь после того, как освободительное движение охватило деревню, поднявшуюся на борьбу вслед за городом, восприятие революции у Блока стало менее отвлеченным и мистифицированным, более исторически и социально определенным.

Уже летом 1905 г. Блок испытал сильное воздействие крестьянских настроений (и это в сравнительно мирном Подмосковье, в Шахматове). Растущая политическая активность деревни была одним из источников исторического оптимизма Блока в годы реакции. Связывая будущее России с революцией. Блок включал в понятие «сердце русской революции» «русскую литературу, науку и философию, молодого мужа, сдержанно раздумывающего думу «все об одном», и юного революционера с сияющим правдой лицом ...».³ «Я все чаще верю, — размышлял Блок о прошедшей революции в письме к В. Л. Пясту от 6 июня 1911 г., — что ошибки хоть бы с<оци-

¹ Слова В. И. Ленина о Л. Толстом.

² В середине февраля 1919 г. Блок сделал заявление, что он, «сочувствуя течением социализма и интернационализма, склонялся всегда более к народничеству, чем к марксизму». Архив Блока (ИРЛИ). Цит. по автореферату Л. К. Долгополова «Поэмы Блока («Возмездие». «Двенадцать»), Л., 1962, стр. 13.

³ См. письмо к В. В. Розанову от 20 февраля 1909 г. А. Блок, Сочинения в двух томах, Гослитиздат, М., 1955, т. II, стр. 623—624.

ал>-д<емократов> в недавние годы происходили от незнания и нежелания знать деревню...»⁴

В революционные же годы у Блока была полоса усиленного интереса к идеям социализма (особенно в июле-августе 1906 г.). Помимо сведений, приведенных Д. Е. Максимовым в его содержательной статье «Александр Блок и революция 1905 года»,⁵ можно указать и на письмо Блока к Г. И. Чулкову от 7 июля 1906 г.,⁶ и на дневниковые записи М. А. Бекетовой.⁷ Но для Блока научный социализм остался чужд.⁸ Его отдельные элементы, усвоенные Блоком и революционизировавшие его сознание, как бы растворялись в более близких поэту взглядах, согласно которым основной силой общественного развития России признавалось крестьянство.

Через личный опыт Блока не могли пройти бесследно и некоторые события 1906—07 гг. из жизни близких и знакомых ему людей.

Первая русская революция отразилась в ближайшем окружении Блока очень драматично. Второй муж матери Блока, подполковник лейб-гвардии гренадерского полка Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух в январе 1905 г. охранял Сампсониевский мост и переходы через Большую Невку. По счастливой случайности он избежал кровопролития. Но его участие в поддержке «порядка» резко осуждалось Блоком и А. А. Кублицкой-Пиоттух.⁹ А. Белый в своих мемуарах пишет, что в отношении Блока к недавно еще любимому отчиму чувствовалась «беспощадность».¹⁰ Встревоженная слухами о готовящемся вооруженном восстании, А. А. Кублицкая-Пиоттух «... умоляет Франца выйти в отставку ...».¹¹ Но он принадлежал к тому типу служака, для которых верность присяге, монарху была выше всего. Его личные убеждения кастового офицера были связаны с понятиями дворянской родовой чести.¹² Несмотря на мягкий характер, о котором неоднократно упоминает биограф Блока М. Бекетова, Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух ни в чем не уступил требованиям и мольбам любимой жены. Он все так же исправно выполнял, по сути дела, полицейские обязанности и даже дома брал слово с гостей Блока, что они не будут вести политических разговоров. Жизнь

⁴ Там же, стр. 657.

⁵ Например, о настроении Блока, известном по дневниковой записи Е. П. Иванова: «Отдать всё, кольца — Соц<иал> демок<атам>». См. сб. «Революция 1905 года и русская литература», М.—Л., изд. АН СССР, 1956, стр. 265.

⁶ Цитируя Чулкова: «социализм, — по счастью, — перестал быть мечтой», Блок соглашается с ним: «... в таких словах в наше время — полная правда...», Соч. в 2-х тт., т. II, стр. 568..

⁷ «... Говорит о величии социализма...», «... все больше склоняется к социализму...» — записывает она о Блоке 1 и 24 августа 1906 г. См. подробнее в ст. Ю. Герасимова «Театр и драма в критике А. Блока в период первой русской революции», Вестник ЛГУ, № 20, вып. 4, 1962, стр. 75.

⁸ Показателен зачеркнутый Блоком вариант строки стихотворения «Сырое лето. Я лежу...»: «тоскливый Бебель». ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 335, записная книжка № 16, июнь 1907 г.

⁹ См.: М. А. Бекетова, Ал. Блок и его мать, изд. «Петроград», Л.—М., 1925, стр. 145—146.

¹⁰ См.: Воспоминания о Блоке, «Эпопея», 1922, № 2, стр. 173.

¹¹ Дневник М. А. Бекетовой. ИРЛИ, ф. 462, № 3, л. 10 об., запись от 16 октября 1905 г. В этот день происходила «по всей России величественная забастовка железных дорог». (Там же).

¹² Род Кублицких известен со второй половины XVI века. Крупные землевладельцы в польских, литовских и белорусских областях, связанные родственными и деловыми отношениями со знатными родами Кохановских, Корсаков, Огинских, Оскиерков, Платеров, Радзивиллов, они традиционно несли придворную и государственную службу. (По сведениям фонда Кублицких. Рукописный отдел ГБЛ).

в такой атмосфере становилась для Блока трудной. Это могло явиться одной из причин переезда Блока и его жены с казенной квартиры отчима на частную в конце августа 1906 г.

В октябре 1906 г. произошло то, чего так боялась мать Блока: «... Франц, который с полком на охране в Кронштадте, впервые распоряжался (заочно) расстрелами полит<ических> преступников и вернулся совершенно потрясенный, с другим лицом, с другими чувствами, мыслями и словами». ¹³ Если даже предположить, что мать и тетка утаили от Блока страшную новость (что мало вероятно), то он, по-видимому, мог узнать об этом факте от других лиц, и прежде всего от близкого ему человека — Е. П. Иванова. Иванову же о казнях, в которых участвовал Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, рассказывала, со слов очевидцев, сама мать Блока. «Они вышли с парохода — записывал Иванов 24 октября в дневнике всю историю о казенных, ¹⁴ — за ними стали следить. Перед ними шел господин и, дойдя до дому, уронил платок и поднял <...> они вошли в дом <...> взяли бомбы и направились к в<оенно>-м<орскому> с<уду>. Перед ним дежурили солдаты. Тут всех и взяли <...> Их вешали. Никто не согласился в Петербурге. Наконец нашелся субъект, который за 100 руб <...> вызвался повесить. Этот объявил, что вешает политических с удовольствием. Было утро на сам<ом> рассвете. К мысу Кроншт<адта> подъехал пароход. Высадили преступников, и сзади солд<аты> и офиц<ер> гренадерс<кого> полка видят: идет кто-то в капюшоне на голове и на глазах огром<ные> черн<ые> очки. Это и был палач. Он прош<ел> на место казни. Они к солдатам обратились: «Мы умираем за вас». Тогда палач: «Ладно, сами умирайте, а мы сами за себя умрем». Вы жертвою пали в борьбе роковой». ¹⁵

Сведения о Ф. Ф. Кублицком-Пиоттухе дошли до Е. Иванова и из революционных кругов. В день похорон Д. И. Менделеева, 23 января 1907 г., Е. Иванов занес в дневник: «Видал, как милый Франц Фелик<сович> стоял у порога церкви и молился, и потрясло меня тут. Ведь убийца он, как говорил вчера Семенов». «Он палач, — добавляет Е. Иванов в примечании. — И мы все палачи. Он уже на себе проклятие наше несет». ¹⁶

Ссылка на поэта Л. Д. Семенова заслуживает внимания. Дело в том, что Блок, знакомый с Семеновым с 1902 г. по университетскому поэтическому кружку Б. Никольского, сблизился с ним в период революции. Страстный правдоискатель, Семенов после «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. перешел от полудетского монархизма к радикальным мыслям (с народническим уклоном) о необходимости решительной борьбы с царским правительством. «Набросился на Маркса, Энгельса, Каутского, — пишет он Блоку 10 сентября 1905 г. — Открытия для меня поразительные! Читаю Герцена, Успенского. Все новые имена для меня!» ¹⁷ В другом письме к Блоку Семенов передает свои впечатления от чтения «Что делать?» Чернышевского: «Поразительная вещь, мало понятная, неоченная, единственная в своем роде, переживет не только Тургенева, но боюсь и Достоевского. Сие смело сказано. Но по силе мысли и веры она равняется разве явлению Сократа в древности». ¹⁸

Летом 1906 г. Семенов был арестован за антиправительственную пропа-

¹³ Дневник М. А. Бекетовой. ИРЛИ, ф. 462, № 3, л. 148, запись от 21 октября 1906 г.

¹⁴ Начало этой записи (в более поздней и расширенной редакции) о казенных при Ф. Ф. Кублицком-Пиоттухе см. в публикации Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова «Е. П. Иванов. Записки об Александре Блоке», помещенной в данном сборнике.

¹⁵ Дневник Е. П. Иванова. ИРЛИ, ф. 662, № 19, запись от 24 октября 1906 г., л. 3, 3 об.

¹⁶ Дневник Е. П. Иванова. ИРЛИ, ф. 662, № 19, л. 97 об.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 399, л. 5.

¹⁸ Там же, л. 9 об. (Без даты. Не позднее 1907 г.).

ганду среди крестьян, бежал, но был пойман, жестоко избит полицейскими и брошен в тюрьму. (В Петербурге об этом стало известно в начале августа).¹⁹ Вернулся в столицу Семенов в середине декабря 1906 г

В поле зрения Блока в связи с Л. Семеновым и Е. Ивановым находилась и Мария Михайловна Добролюбова (сестра поэта А. Добролюбова). Волевая и деятельная, со стремлением к подвигу, она после русско-японской войны, в которой как сестра милосердия побывала под Мукденом и под Ляояном, очевидно, стала своим человеком в революционных кругах народного толка. Уехав из Петербурга в деревню, Добролюбова устроила там продовольственный пункт для голодающих и школу, в которой сама преподавала (ею был окончен Смольный институт). Затем она скрывалась от полиции, была арестована и отправлена в тульскую тюрьму, откуда ее освободили по болезни.

Блок, безусловно, многое узнал о Добролюбовой от Е. Иванова, который был в нее тайно влюблен. В дневнике Е. Иванова есть такие заметки о Добролюбовой: «Увлекается безумно анархизмом, Кропоткиным», «... из разговоров видно, что за убийство. Что Каляеву в ноги готова поклониться».²⁰

Добролюбова была невестой Л. Семенова. Их сближали общие идеалы и, вероятно, участие в нелегальной революционной организации. 11 декабря 1906 г., за неделю до его возвращения в Петербург, Добролюбова неожиданно умерла. В газетном некрологе ее смерть объясняется нервным потрясением, которое она испытала, узнав все ужасы военно-полевых судов. Имя ее называется среди «жертвоу павших».²¹ Перед смертью Добролюбова «хотела совершить террористический акт».²² Её внезапная смерть породила слух о том, что, доведенная до галлюцинаций преследованиями жандармов и переживаниями по поводу готовящегося ей террористического акта,²³ она покончила жизнь самоубийством. Необычность ее погребения усиливает правдоподобность слуха.²⁴

Больше всех мог рассказывать о Добролюбовой Блоку Л. Семенов.²⁵ Весь 1907 г. они сотрудничали в журнале «Трудовой путь».²⁶ Рядом со сти-

¹⁹ 8 августа 1906 г. Е. Иванов писал в дневнике «Ужасную новость сказал Терн<авцев>. Л. Д. Семенов избит до полусмерти крестьян<ами> и сидит в тюрьме в Курске. Жертва кровавая Вечерняя Он выше нас головой Иван Царевич». (Дневник Е. Иванова. ИРЛИ, ф. 662, л. 18, л. 19 об.).

²⁰ Дневник Е. Иванова. ИРЛИ, ф. 662. № 15, записи от 7 и 16 октября 1906 г., лл. 75 и 88.

²¹ «Товарищ», № 142 от 17 декабря 1906 г, стр. 3. Некролог подписан криптонимом «С. Р-ъ». (эс-эр?).

²² Запись Е. Иванова в дневнике 17 декабря. ИРЛИ, ф. 662, № 19, л. 54 об.

²³ «Думала о смерти», — свидетельствует Е. Иванов. ИРЛИ, ф. 662. № 19, л. 54 об.

²⁴ «Это случайно ее похоронили не под крестом, а сбоку на дороге. Но в этом ее родство с казненными, расстрелянными». Там же, л. 50. Запись от 14 декабря 1906 г.

²⁵ В дневнике Блока есть такая запись от 31 декабря 1911 г. (идет после слов о Семенове): «О Маше Добролюбовой. Главари революции слушали ее беспрекословно, будь она иначе и не погибни, — ход русской революции мог бы быть иной». (Дневник Ал. Блока. 1911—1913. Издательство писателей в Ленинграде, 1928, стр. 65).

²⁶ Взамен закрытого «Журнала для всех» в 1906 г. стал выходить журнал «Народная весть». После второго номера он был также закрыт. Сменивший его «Трудовой путь» был запрещен после годичного существования. Дальнейшая попытка продолжить издание под названием «Наш журнал» была пресечена после первого номера. В литературном разделе «Трудового пути» преобладали произведения, обличающие кровавые преступления царизма. Среди авторов — Серафимович, Куприн, Сергеев-Ценский, А. Грин.

хами Л. Семенова,²⁷ обличающими палачей и тюремщиков, попов и буржуев, и со стихами революционно-аллегорического содержания других поэтов (К. Бальмонт, Евг. Тарасов и др.), даже такие ранние вещи Блока, как «Тебя в страны чужие звали...» (1901 г.), «На весенний праздник света...» (1902 г.) получали возможность социального истолкования. Что касается стихотворений из цикла «Её прибытие», то их связь с революционной действительностью была достаточно очевидной. В стихотворении же «Ангел-Хранитель», из-за которого журнал был конфискован (№ 6 за 1907 г.), не только цензор, но и читатели могли увидеть воспевание политического убийства. Именно на такое понимание этого стихотворения наталкивало общее направление журнала.²⁸

1 февраля 1907 г. Блок и Л. Семенов выступали в Университете на «Вечере искусств». М. Кузмин, исполнявший на вечере «Куранты любви», записал в дневнике: «Блок читал свою чудную «Незнакомку». Публика несколько недоумевала <...> После читали стихи: Блок революционное (для чего) Семенов».²⁹

Участие Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттуха в казнях, видимо, тяжело действовало на мать Блока. Она и раньше отличалась нервной неуравновешенностью, но с 1907 г. приступы острой меланхолии и безысходной тоски заметно участились. В кругу сослуживцев мужа она подчеркивала свое свободомыслие и считалась революционеркой.³⁰ Отчуждение от мужа перешло после Октябрьской революции в прямую ненависть

Слов, осуждающих отчима как «палача», у Блока не встречается.³¹ Отношения их продолжают оставаться вежливыми, но прохладными: в письмах поэта к матери отчиму время от времени передаются приветы. Моральный авторитет матери был для Блока чрезвычайно большим, он называл ее «своей совестью». И если она продолжала оставаться женой Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттуха, то вполне вероятно, что Блок не считал себя вправе излагать ей свое подлинное мнение об отчине.

Общее отношение Блока к политическим репрессиям не вызывает никаких сомнений. (То, что оно наиболее полно проявилось в 1909 г., говорит только о силе полученных ранее впечатлений). Отношение это выражено резко и определено: «Перевешать надо правительство и за то, что оно вешает».³² И, разъясняя свою позицию, Блок писал: «Сам я не «террорист»

²⁷ В № 3 журнала помещен также его очерк о тюрьме — «Проклятие». Он оканчивается историей смерти М. Добролюбовой (в очерке — Серафимы) и проклятиями, которые автор посылает палачам и убийцам. В статье «О реалистах» Блок выделяет это произведение из «сотни подобных же описаний правительственных зверств», ибо «оно потрясает». (А. Блок, Собрание сочинений в 8 тт. Гослитиздат, М.—Л., 1960, т. V, стр. 114).

²⁸ Блок напечатал в журнале 9 стихотворений. В № 1—2: «Тебя в страны чужие звали...»; в № 3: «На весенний праздник света...», «Голос в тучах»; в № 5: «В час глухой разлуки с морем...»; в № 6: «Ангел-Хранитель» (без заглавия); в № 10: «Хожу, брожу понурый...» (под заглавием «Старые мысли»); в № 12: «В густой траве пропадешь с головой...» (под заглавием «На родине»), «Прошли года, но ты — все та же...»; в № 1 за 1908 г.: «Песня матросов» (под заглавием «Морская песня»).

²⁹ Дневник М. А. Кузмина, I. ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 51, лл. 286—287.

³⁰ См.: М. А. Бекетова, Ал. Блок и его мать, стр. 149.

³¹ Сообщая в письме от 20 января 1907 г. А. В. Гиппиусу, что «Фр<анц> Ф<еликсович> скоро, пожалуй, получит полковника», Блок ничего по этому поводу не добавляет, как бы сохраняя семейную тайну. ИРЛИ, ф. 654, р. 1, оп. 3, № 17, л. 18 об.

³² Слова Блока, приведенные в письме В. В. Розанова к нему. ЦГАЛИ ф. 55, оп. 2, ед. хр. 58, л. 2, февраль 1908 г. Блок хлопотал о людях, которым грозила смертная казнь (см. письмо к С. А. Венгеру. Соч. в 2-х тт., т. II, стр. 611).

уже по тому одному, что «литератор». <...> И, однако, *так сильно (коллективное) озлобление* и так чудовищно неравенство положений — что я действительно не осужу террора *сейчас*»³³. Растущая в годы реакции ненависть Блока к разлагающему самодержавному строю приводила его к мысли, что «...единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники...».³⁴ А в упомянутом письме к В. Розанову Блок называет источником зла русскую государственную машину, которая *ни в чем не повинных* падающих в обморок офицеров, <...> бледнеющих солдат и геморроидальных «чинов гражданского ведомства» — посылает «расстрелять», «повесить», «присутствовать при исполнении смертного приговора».³⁵

Наряду с революционными событиями, «семейная тайна» и связанные с нею рассказы о мучениях и казнях революционеров питали живое чувство ненависти Блока к «подлецам», которые «вешают»,³⁶ конкретизировали возникающую идею возмездия и поддерживали глубокую веру поэта в справедливость дела русской революции.

³³ Письмо к В. В. Розанову от 20 февраля 1909 г. Соч. в 2-х тт., т. II, стр. 622.

³⁴ Письмо к матери от 13 апреля 1909 г. Письма Ал. Блока к родным, Л., «Academia», 1927, стр. 257.

³⁵ См. сноску 33.

³⁶ Слова Блока из письма к матери от 13 апреля 1900 г.